

**Ю. К. Орлов**

## **СОСТЯЗАТЕЛЬНОЕ СУДОПРОИЗВОДСТВО И КОНЦЕПЦИЯ ЮРИДИЧЕСКОЙ ИСТИНЫ**

*Истина — это то, что  
выдерживает проверку опытом.*

*Альберт Эйнштейн*

В статье дается критический анализ состязательной модели уголовного судопроизводства с «пассивным» судом, имеющим ограниченные познавательные возможности в установлении объективной истины по уголовному делу. Автор как сторонник концепции объективной истины обосновывает тезис, что в уголовном процессе принцип состязательности сторон должен выступать не самоцелью судопроизводства, а средством достижения других целей, и прежде всего, — достижения истины. Раскрываются дефекты концепции юридической истины, популярной у части представителей процессуальной науки; доказываем, что в трактовке юридической концепции истины абсолютизируется исключительно формальный аспект этого понятия, что соблюдение процессуальной формы лишь необходимое условие достижения результата, которое отнюдь не гарантирует получение определенного качества. Исследуется проблема достижимости истинного знания в уголовном судопроизводстве, влияние на итоговое знание элемента субъективизма, который, по мнению автора, при установлении истины неизбежен. Анализируются снижающие субъективизм в доказывании объективные критерии установления истины (надежность научно-технических средств, применяемых для ее достижения). В качестве гарантий снижения степени субъективности выводов и решений автор рассматривает разграничение функций между субъектами судопроизводства, их множественность и иерархичность, возможность проверки всех выводов и решений вышестоящими субъектами и коллегиальность при принятии решений.

*Ключевые слова:* истина, уголовное судопроизводство, принцип состязательности сторон, цель уголовного процесса, концепция юридической истины, объективная истина.

**Yu. K. Orlov**

## **COMPETITIVE CRIMINAL PROCEDURE AND THE CONCEPT OF LEGAL TRUTH**

The article deals with a critical analysis of the competitive model of criminal «passive» procedure possessing limited educational opportunities in establishing an objective truth in a criminal case. The author of the article, as a supporter of the concept of the objective truth, justifies the fact according to that the competitive principle in criminal procedure should not be an end in itself of the justice, but be a means of achieving other purposes, first of all, achieving truth.

The article reveals the defects of the legal concept of truth that is said to be popular with the representatives of the procedural science; the article also proves the fact that only the formal aspect of this notion in the interpretation of the legal concept of truth is elevated and that the observance of a procedural form is a necessary condition for achieving the result, which does not guarantee a certain quality.

In the article the problem of achievement of true knowledge in the criminal procedure is examined, as well as the impact on the final knowledge of subjectivity element, which, according to the author's opinion while establishing truth, is inevitable.

The article analyzes reducing subjectivity in proving the objective criteria while establishing the truth (the reliability of scientific and technical means used to achieve it).

As a guarantee of reducing the subjectivity level of the conclusions and decisions the author examines the distinction of the functions among the legal subjects, their plurality and hierarchy, the ability to check all the conclusions and decisions by legal authorities and collegiality in their decision-making.

*Key words:* truth, criminal procedure, competitive principle of the parties, the purpose of criminal procedure, legal concept of truth, objective truth.

Уважаемый читатель! Данная статья является продолжением размышлений автора об истине в уголовном процессе [1] и посвящена анализу установления истины в условиях состязательного судопроизводства.

Как известно, в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ (УПК РФ) [2] возобладали принцип «чистой состязательности». Суд исключен из числа субъектов, ищущих истину, он не должен принимать никаких мер по ее установлению (даже в рамках предъявленного обвинения), как это было в прежнем УПК РСФСР (и, кстати, как это существует в уголовном процессе европейских стран континентальной системы права — Франции, Германии и др.). Суд не вправе по собственной инициативе совершать какие-либо исследовательские действия (исключение сделано для судебной экспертизы и допроса эксперта — ч. 1 ст. 283 и ч. 1 ст. 282 УПК РФ, для оглашения показаний потерпевшего и свидетеля в случае их неявки — чч. 2 и 6 ст. 281 УПК РФ). Суд лишь «создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» (ч. 3 ст. 15 УПК РФ)\*. При этом, исходя из содержания действующего уголовно-процессуального закона, и следователя сейчас истина не интересует (во всяком случае, в полном объеме). Исключен действовавший ранее принцип всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела (ст. 20 УПК РСФСР). Следователь, который позиционируется законодателем как представитель стороны обвинения, осуществляет лишь уголовное преследование (ст. 21 УПК РФ), т. е. процессуальную деятельность «в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления» (п. 55 ст. 5 УПК РФ).

Способствует ли такой порядок установлению истины? Полагаем, нет. Сужается круг субъектов, обязанных принимать меры к установлению истины, а следовательно, и число гарантий такого установления. И вообще, в любом состязании, в его чистом виде, в борьбе, схватке побеждает обычно не тот, кто прав, а тот, кто сильнее. Такой подход хорош в спортивном судействе, целью которого как раз и является определение сильнейшего. Но не в судебном процессе, где преследуются другие, более высокие социально значимые цели. В уголовном судопроизводстве принцип состязательности — не самоцель, а лишь средство достижения других целей, и прежде всего достижения истины, это лишь метод искания истины. И он должен действовать только в тех пределах, в которых способствует этой цели.

Состязательная модель уголовного судопроизводства с пассивным судом согласуется

с так называемой «концепцией юридической истины», которая появилась (а точнее, была заимствована из зарубежной науки) в постсоветский период. Суть ее в том, что истинным будет знание, полученное с соблюдением всех процессуальных правил, независимо от того, соответствует оно объективной действительности или нет. «Юрист отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судебного разбирательства был достигнут определенным образом» [4, с. 312]. Такая «юридическая истина может соответствовать, а может не соответствовать фактам, имеющим место в действительности» [5, с. 41].

Что представляет собой такая трактовка истины с точки зрения развития уголовно-процессуальной теории? Это — предельное упрощение, сведение сложного к простому. Это пренебрежение сложнейшими проблемами, над которыми десятилетиями работали лучшие умы уголовно-процессуальной науки, — о критериях истины, о путях ее достижения, о логической модели доказывания, о механизме перерастания вероятного знания в достоверное и многое другое. В судопроизводстве, где возобладали концепция юридической истины, все предельно просто, сводится к самому элементарному — соблюдению установленной процедуры. Неважно, насколько полно и тактически грамотно проведено судом исследование доказательств, главное — чтобы не было процессуальных нарушений в ходе «судебного разбирательства».

В философии такое явление — научный регресс, откат к примитивному состоянию — называется редукцией [6, с. 575]. В истории науки (в том числе российской юридической науки) периоды редукции случались неоднократно.

Рассмотрим, к каким абсурдным выводам приводит «концепция юридической истины» на примере двух абстрактных ситуаций.

Ситуация первая: вынесен заведомо неправосудный приговор (например, подсудимый осужден при недоказанности вины). Однако все процессуальные правила судебного разбирательства соблюдены. Следовательно, этот приговор является истинным?

Ситуация вторая: в отношении соучастников преступления в разное время вынесено два противоречивых приговора. Оба приговора постановлены при строжайшем соблюдении процессуальных норм и вступили в законную силу. И какой из них истинный? Где критерий подобной истинности? Он одинаков и для истины, и для неистины.

В чем причина таких парадоксов концепции юридической истины? В чем ее основной порок? Он заключается в смешении понятий средства

и цели, а именно: *соблюдение процессуальной формы становится самоцелью*. Но такого не может быть в принципе. *Бесцельных процедур вообще не бывает*. Любые процедуры, даже религиозные ритуалы, *всегда* имеют какой-то смысл, назначение. То же самое и в судопроизводстве. Даже чисто ритуальные действия и атрибуты (судейская мантия, «встать, суд идет» и др.) имеют определенную цель — воспитание уважительного отношения к суду.

Что же касается процессуальной формы, это действительно всего лишь *форма* (и недаром прижилось именно такое ее название). В частности, она содержит и определенные ограничения в познавательных средствах, обусловленных необходимостью охраны других, более высоких социальных ценностей, в частности прав личности. Соблюдение процессуальной формы — лишь *необходимое условие* достижения результата. И не более того. Само по себе это соблюдение отнюдь не гарантирует получения определенного результата. Для его достижения требуются и другие средства, находящиеся за пределами процессуальной формы. Если бы для достижения истины было бы достаточно соблюдения процессуальной формы, то было бы бессмысленно создавать и совершенствовать криминалистическую тактику и методику, методики экспертного исследования и прочее. Любая процессуальная форма должна устанавливаться для максимального содействия достижению определенных целей. И установленный процессуальный порядок доказательственной деятельности должен гарантировать достоверность полученного результата (например, предъявление для опознания объекта в числе не менее трех, по возможности сходных, — ст. 193 УПК РФ). По концепции же юридической истины безразлично, какой порядок установить, главное, чтобы он был соблюден. Более того, чем этот порядок проще, тем лучше и легче достигается эта самая истина. Если концепция объективной истины способствует совершенствованию процессуального порядка, заинтересована в нем и стимулирует его, то теория формальной истины в лучшем случае к этому индифферентна, а в худшем — фактически даже заинтересована в его регрессе.

Таким образом, в трактовке юридической концепции истины абсолютизируется лишь формальный аспект этого понятия, а его для достижения любых целей судопроизводства, не только истины, недостаточно. Без содержательного аспекта обойтись невозможно.

Резюмируем. Никакая форма не может существовать ради себя самой. Иначе она быстро превращается в формализм. Именно к этому неизбежно ведет — при ее идеальном

воплощении — концепция юридической истины, абсолютизирующая процессуальную форму и полностью игнорирующая содержательный аспект доказывания. Поэтому она никогда не приживется на практике, а останется лишь явлением редукции в науке.

Рассмотрим аргументы, которые приводят сторонники юридической истины в пользу своей концепции (и одновременно в опровержение концепции объективной истины).

Аргумент первый. Объективная истина в принципе недостижима. Обычно этот постулат иллюстрируется на примере каких-то конкретных сложных и запутанных дел (в частности нашумевшего дела Макарова). Из чего делаются далеко идущие выводы: «Таким образом... объективная истина как цель юридического познания в рамках юрисдикционного процесса фактически недостижима» [7, с. 45].

Однако это не так. Да, наше познание (доказывание) имеет, по сравнению с научным познанием, весьма существенную специфику, значительно осложняющую нашу деятельность. А именно, предмет познания у нас являются не закономерности природы и общества, как это имеет место в науке, а конкретные факты прошлого, которые невозможно воспроизвести и непосредственно воспринять. Тем не менее история криминалистики (и в России, и за рубежом) знает множество примеров успешного расследования сложнейших уголовных дел, результаты которых не вызывают никаких сомнений. Более того, в некоторых случаях восстановление картины прошлого вообще не представляет никакой сложности (например, когда преступление совершено прилюдно). Так, легко и абсолютно достоверно, почти с поминутной точностью устанавливаются все действия террористов, захвативших самолет. Для этого достаточно допросить пассажиров и членов экипажа, имена которых известны заранее.

Сказанное не означает, что объективная истина безусловно достижима всегда и по каждому делу. Нет, на такую универсальность концепция объективной истины не претендует. Это юридическая истина в силу своей крайней примитивности достигается всегда и везде (достаточно соблюсти необходимые процедуры). Объективная истина — это гораздо более сложное понятие, имеющее свои границы. Тем не менее принципиальная возможность установления фактов прошлого, как в судопроизводстве, так и в науке, не вызывает сомнений. Материалистический постулат (именно материалистический, а не марксистский) о принципиальной познаваемости объективной реальности имеет всеобщий характер и подтверждается многовековой человеческой

практикой. В противном случае не было бы никакого научно-технического прогресса, который особенно отчетливо проявляется в наше время.

Второй аргумент сторонников юридической истины (и противников объективной) состоит в том, что истина, устанавливаемая в уголовном судопроизводстве, носит субъективный характер, что у каждого субъекта она своя [8, с. 58]. На примере конкретных дел (в частности, дела Макарова) показывается, какое разночтение в оценке отдельных доказательств (или их совокупности) имеет место у различных субъектов.

Все это верно. Любая истина устанавливается (и оценивается) конкретными людьми. Поэтому элемент субъективизма в установлении истины неизбежен. Кстати, то же самое относится и к научной истине, как бы достоверно она ни была установлена. Кто-то не верит в теорию относительности, кто-то продолжает попытки создать вечный двигатель. Это неизбежно. Абсолютного и идеального не бывает ничего. И объективная истина тоже не может быть абсолютно объективной.

Но! Во-первых, существуют объективные критерии установления истины (например, надежность научно-технических средств, применяемых для ее достижения). Во-вторых, имеется множество методов нейтрализации и минимизации субъективного фактора в достижении истины и повышения степени ее объективности.

В уголовном судопроизводстве содержится много гарантий снижения степени субъективности выводов и решений. Это — разграничение функций между субъектами. Инквизиционный процесс наглядно продемонстрировал, сколь опасно соединение в одном лице функций следователя и судьи. Это — множественность и иерархичность субъектов, возможность проверки всех выводов и решений вышестоящими субъектами, многократного рассмотрения одного и того же дела. Это, наконец, коллегиальность при принятии решений. Все это призвано свести к минимуму риск субъективизма и повысить степень объективности истины.

И еще о субъективном в объективном. В советский период была подробно разработана проблема критериев объективной истины (правда, больше не процессуалистами, а криминалистами) [9, с. 10; 118—129]. Одним из критериев считалась коллективная практика, которая аккумулируется в знаниях конкретных носителей — следователей, судей и др. Их личный житейский и профессиональный опыт в определенной мере концентрирует знания, накопленные и апробированные обществом. Это — тоже одно из проявлений субъективного в объективном,

диалектика достижения объективного знания посредством деятельности отдельных субъектов. Аналогичные идеи высказываются и современными учеными. «Таким образом, критерий истины в уголовном процессе — это прежде всего общественно-историческая практика в самом широком философском смысле», — пишет, например, А. В. Победин [10, с. 220].

Иного пути достижения истины — ни в судопроизводстве, ни в науке — в человеческом обществе, состоящем из отдельных индивидов, просто быть не может. Но это не повод для вывода о принципиальной недостижимости объективной истины, в таком случае любая познавательная деятельность была бы просто невозможной, бессмысленной и ненужной\*\*.

Продолжение размышлений об истине в уголовном судопроизводстве и анализ других концепций истины — в следующей статье автора.

## Примечания

\* Известный современный юрист В. Ф. Яковлев справедливо подметил: «Одним из главных приоритетов судебной реформы была состязательность сторон в процессе. Судья перестал выступать в роли обвинителя, его дело — беспристрастно выслушать доводы сторон. Но что показало время? Состязательность стали противопоставлять активной роли суда. Это неправильно, потому что реального равенства сторон нет... В мире уже поняли это и не рассматривают активное участие судьи в установлении истины как поспание принципа равенства сторон. Причем пример подает Англия — родина состязательности процесса» [3].

\*\* С критикой концепции юридической истины и против абсолютизации принципа состязательности выступают многие ученые: С. А. Шейфер [11, с. 45—48], Г. А. Печников [12, с. 97—102], Е. А. Зайцева [13, с. 22—25], А. В. Победкин [10, с. 209—222] и др.

## Список библиографических ссылок

1. Орлов Ю. К. Размышления об истине в уголовном процессе // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 1. С. 132—138.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 30.03.2016). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Судите и судимы будете: интервью советника президента В. Ф. Яковлева // Рос. газ. 2006. 10 марта.
4. Пашин С. А. Проблемы доказательственного права // Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссия. М., 1995.
5. Михайловская И. Б. Цели, функции и принципы российского судопроизводства. М., 2003.
6. Философский энциклопедический словарь. М., 1995.
7. Боруленков Ю. П. Стремление к истине — высший закон правосудия // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 40—49.
8. Воскобитова Л. А. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 56—64.
9. Белкин Р. С. Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. М., 1970.
10. Победкин А. В. Моральные победы — не считаются? // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2012. № 4 (5). С. 209—223.
11. Шейфер С. А. Доказательства и доказывание по уголовным делам. М., 2008.
12. Печников Г. А. [и др.] Объективно-истинный и состязательный уголовный процесс // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2013. № 1 (24). С. 97—102.
13. Зайцева Е. А. К вопросу о законодательной власти в России, или как «правят» УПК РФ // Рос. судья. 2007. № 3. С. 22—25.